

Сипрова Екатерина Алексеевна

**СВОБОДА КАК НРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ**

В данной статье раскрывается, каким образом концепция истории понятий (Begriffsgeschichte) может быть использована в лингвистике. Предпринята попытка диахронического описания изменений границ категории СВОБОДА с использованием разрабатываемых данным направлением понятий: "пространство опыта", "горизонт ожидания" и "переломное время". Сделан вывод о том, что концепция родоначальника данного направления Р. Козеллека может быть применена не только к историческим, но и к аксиологическим понятиям.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 2. С. 369-372. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

24. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2008. 176 с.
25. Чучин-Русов А. Е. Концепты современного знания // Вестник славянских культур. 2012. № 2. С. 5-13.
26. Rapport N. Social and Cultural Anthropology: The Key Concepts. L. – N. Y.: Routledge, 2014. 548 p.
27. What is a mathematical concept? / ed. by E. de Freitas, N. Sinclair, A. Coles. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 316 p.

**INGRESSION OF THE NOTION “CONCEPT” IN MODERN
GENERAL SCIENTIFIC THESAURUS AND DAILY LANGUAGE:
FROM “THE SCIENTIFIC FASHION” TO THE SCIENTIFIC TREND**

Seliverstova Zhanna Bolatovna

*L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan
seliverst.zh@gmail.com*

The entry of “concept” into the modern general scientific thesaurus and into the language of everyday life is considered. For the first time the author applies the notion “ingression” to this process. It is alleged that in the conditions of changing classical paradigms the introduction of new terminology, in particular, “concept” was inevitable. It is shown that the diversity of opinions about the concept is a manifestation of the creative nature of linguistics. A parallel is made with the entry of the term “text” into the scientific thesaurus. A conclusion is drawn on the transformation of “the scientific fashion” on the concept into the stable scientific trend.

Key words and phrases: concept; ingression; text; conceptology; scientific fashion; scientific trend.

УДК 80/81

В данной статье раскрывается, каким образом концепция истории понятий (Begriffsgeschichte) может быть использована в лингвистике. Предпринята попытка диахронического описания изменений границ категории СВОБОДА с использованием разрабатываемых данным направлением понятий: «пространство опыта», «горизонт ожидания» и «переломное время». Сделан вывод о том, что концепция родоначальника данного направления Р. Козеллека может быть применена не только к историческим, но и к аксиологическим понятиям.

Ключевые слова и фразы: история понятий; пространство опыта; горизонт ожидания; переломное время; диахронический аспект; межкатегориальные границы; категоризация.

Сипрова Екатерина Алексеевна

*Московский государственный лингвистический университет
sea0@yahoo.com*

**СВОБОДА КАК ПРАВСТВЕННАЯ ЦЕННОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА:
ДИАХРОНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ГРАНИЦ**

С середины 60-х годов XX века в зарубежной науке широкое распространение получает направление *Begriffsgeschichte*, или история понятий, методы которого активно применяются в философии, социологии, литературоведении и истории, а в последние годы наблюдается особый интерес к направлению в отечественной и зарубежной лингвистике.

Изложению и трактовке основополагающих идей истории понятий в настоящее время посвящено достаточное количество работ [1; 5; 6] и др. По мнению исследователей, концепция исторического времени, предложенная родоначальником направления Рейнхартом Козеллеком, ознаменовала собой «лингвистический поворот» в исторической науке [Цит. по: 4]. Ключевая мысль заключается в том, что основные исторические понятия вместе с называющими их словами выступают и как индикаторы изменений (отражают действительность), и как их факторы (создают ее). Р. Козеллек пишет, что семантическая структура понятия «определяется напряжением, возникающим между их по-разному ориентированными во времени элементами», которые он называет соответственно «областью опыта» и «горизонтом ожидания», иными словами, «между обобщенным в понятии наличным бытием и проектом будущего, который оно пытается навязать как естественный порядок вещей» [Цит. по: 5, с. 55]. Разработка данных терминов дает толчок лингвистическим исследованиям, позволяя по-новому посмотреть на то, как и почему меняется язык (в том числе и значения слов), проследить последовательность реализации во времени смыслового потенциала слова и создание им своего денотата.

Важным является вопрос о том, почему одни слова имеют длительную семантическую историю, а другие нет, а также какие понятия обладают «темпоральной структурой». Р. Козеллек отмечает, что «горизонт ожидания» присущ так называемым «основным историческим понятиям» [Цит. по: Там же, с. 56]. По мнению Г. В. Дуриновой, это наиболее уязвимый аспект концепции, особенно с точки зрения лингвистики, так как проводимое ученым разграничение понятия и слова неприемлемо [1, с. 9]. В «Словаре основных исторических понятий» Р. Козеллек раскрывает значение *истории, политики, человека, гражданина, общества* и др. Мы видим, что в первую очередь составителей интересуют «базовые термины» [Цит. по: Там же]. Это понятие,

отнодь не новое для лингвистики, активно разрабатывается американскими когнитологами Э. Рош, Дж. Лакоффом и др. [7; 9]. Для нас будет важна мысль о том, что категории базового уровня «находятся “в середине” иерархии общего – конкретного» [7, с. 29]. При этом «категории базового уровня функционально и эпистемологически первичны в отношении следующих факторов: целостно-образное (гештальтное) восприятие, формирование образов, двигательная активность, организация знаний, легкость когнитивного оперирования (изучения, узнавания, запоминания и т.д.) и легкость языкового выражения» [Там же]. Но если концепция Рош – Лакоффа статична, то преимущество концепции Р. Козеллека состоит в том, что «идея логического своеобразия основных исторических понятий включена в динамическую картину исторического становления современного разума» [5, с. 58].

Козеллек объединяет ономазиологический и семасиологический подход, что является безусловным достоинством его концепции.

Предметом рассмотрения данной статьи будет являться темпоральная семантика категории СВОБОДА и то, как смысловой объем этой категории распределяется между сферами «Политика» и «Нравственность» (вслед за Ю. Н. Карауловым, мы будем называть их суперкатегориями [2]).

Категория СВОБОДА проникает в область нравственных ценностей только к началу XIX века, но для более точного анализа нам необходимо обратиться к предыстории. Понятие *свобода* в XVIII в. закреплено за социальной сферой. Ядро категории составляют слова с семантикой ‘независимость’ и ‘отсутствие ограничений’. Заимствование на рубеже веков понятия *либерализм* расширяет категорию и переносит ее в сферу права, распространение получают субкатегории: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СВОБОДА, ГРАЖДАНСКАЯ СВОБОДА, РЕСПУБЛИКАНСКАЯ СВОБОДА и др. Далее устоявшаяся, имеющая сложную структуру социально-политическая категория начинает изменяться: к рубежу XVIII-XIX вв. она приобретает градуальность (*свобода – полная свобода*). То есть в структуре категории возникает тот самый «горизонт ожидания», перспекция. Об устремленности в будущее свидетельствует высокая частота использования конструкции «полная свобода чего-либо» – *полная свобода торговли, полная свобода книгопечатания, полная свобода жить* [8], – составляющей оппозицию конструкции «свобода от чего» – *свобода от притеснений*, которая, в свою очередь, отражает ретроспекцию, обращается к пространству опыта.

В XIX в. возникает мысль о необходимости ограничения свободы ради блага человека: «*Всякая свобода какою-нибудь стороною ограничивается тою или другою обязанностью, нравственною, политическою или взаимною*» (П. А. Вяземский) [Там же]. Появляется следующая трактовка: «*Решительно и ясно: “свобода есть право делать все, кроме зла...”*» (К. Н. Леонтьев) [Там же]. Понимание свободы претерпевает изменения: помимо явления внешнего (социального) она все больше становится явлением внутренним (нравственным): «*Истинная свобода находится в самом недре сердца*» (Е. Булгар, С. Платонов) [Там же]. Способность понятия *свобода* интерпретироваться с помощью оценочных понятий *благо/добро и зло, истинность и ложность* позволяет говорить о вхождении части категории СВОБОДА в суперкатегорию НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ. В результате структура категории начинает трансформироваться: происходит ее расширение и изменение ядра. Семантика ‘отсутствие ограничений’ смещается на периферию, появляется новое контекстуальное значение ‘ответственность’.

Отдельно стоит упомянуть, что изменения внутри категории происходят не перманентно, а только в период, называемый Р. Козеллеком «переломное время» (Sattelzeit) [Цит. по: 4, с. 56]. Для европейских государств этот отрезок приходится на вторую половину XVIII – начало XIX в. Однако применительно к русскому языку выделение только одной такой границы кажется недостаточным. В истории России существует несколько «переломных моментов», когда «ключевые понятия подвергаются радикальным изменениям вместе с соответствующими социально-политическими институтами» [6, с. 582]. В такие периоды не только появляются новые языковые категории, но и трансформируются старые. Происходит преодоление напряжения между «пространством опыта» и «горизонтом ожидания» (в каждом конкретном случае это происходит по-разному). В описанном нами выше примере семантическая структура слова образует два полюса («область опыта» и «горизонт ожидания»), ожидания не сбываются, формируется новое «пространство опыта». Таким образом, *свобода* не только концептуализируется в понятиях нового типа, но и становится другой, новой.

К рубежу XIX-XX вв. в период религиозно-философских исканий образуется противопоставление *формальной* (обусловленной общественной средой) и *содержательной* (внутренней) *свободы*, к которой необходимо стремиться. На языковом уровне это «стремление» выражается в употреблении в ближайшем контекстном окружении:

- слов с семантикой возможности, вероятности: *свобода возможна*;
- слов с семантикой дороги, пути: *свобода – это путь любви, нравственный путь (в значении ‘без помощи внешней, принудительной силы’)*;
- предикатов будущего времени: *если свобода увеличит*;
- предикатов ирреального наклонения: *нужно потерпеть*.

Такое противопоставление позволяет судить о выделении категории СВОБОДА, принадлежащей к суперкатегории НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ.

Более ярким «переломным временем» становится Великая Отечественная война и послевоенное время, характеризующееся активным проникновением элементов суперкатегорий ИДЕОЛОГИЯ, ПРАВО/ЗАКОН и др. в категорию НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ в целом. «Горизонт ожидания» также получает идеологическое

наполнение. Происходит процесс перекаатегоризации в связи с изменением социально-культурной доминанты: ориентация на саморазвитие личности сменяется стремлением к коллективному преобразованию мира.

Соответственно, *свобода* занимает уже лишь периферию суперкатегории ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ. Ее все меньше связывают с внутренним миром человека и понимают как свободу государства, общества: «*Да здравствует свобода и независимость нашей славной советской родины!*» (И. В. Сталин) [8]. В контекстах часто задействовано инклюзивное *наша, у нас*, часто контекстом для слова *свобода* служат лозунги. Фокус внимания вновь, как на рубеже XVIII и XIX вв., смещается на суперкатегорию ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ – не случайно слово *свобода* часто встречается в устойчивом сочетании *свобода, равенство, братство*: «*Я свой заветный идеал – Свободу, равенство и братство – В Торговых банях отыскал*» (В. А. Гиляровский) [Там же].

Если ранее ядро той части категории СВОБОДА, которая вошла в суперкатегорию ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ, составляли *личная свобода, духовная свобода, свобода воли, свобода выбора* и др., то теперь они уходят на периферию и употребляются в ограниченном количестве контекстов (преимущественно религиозного содержания). На первый план выходит *свобода человека* (с ретроспективной семантикой ‘освобождение от чего’), *свобода граждан, свобода государства*.

Именно этот период наглядно показывает, что понятие страдает семантической недостаточностью, которая проявляется в том, что важные смысловые компоненты значения оказываются вынесенными в синтагму (сочетаемость). Эта черта присуща многим нравственным категориям из-за предельно абстрактного характера, поэтому зачастую существующий «запрос» на смысл не может быть реализован в рамках одного слова. Р. Козеллек считал, что повышенная степень абстрактности понятий задает новые горизонты возможного опыта [3, с. 31]. Анализ контекстов показал, что семантическая недостаточность не преодолевается в последующие периоды.

Существует несколько способов моделирования семантической структуры слова. Одна из выделяемых моделей – антонимическая. Примечательно, что во время Великой Отечественной войны смыслообразующим противопоставлением было *свобода – война*. Значение понятия *свобода* в это время представляет собой смешение прошлого опыта (довоенное свободное состояние), современной реальности (война) и ожиданий от будущего (стремление «вернуть» свободу). Свободу можно *завоевать, получить*, она *зависит от наших рук*. К концу двадцатого столетия эта оппозиция изжила себя. Категория ВОЙНА в «пространстве опыта» перестала быть главенствующей, поэтому структура категории вновь меняется.

Участившееся на рубеже XX и XXI вв. упоминание в качестве нравственной ценности *полной свободы* и *абсолютной свободы* (вектор движения к *абсолютной свободе* своеобразно представлен у Бродского: «*Для меня будущее – абсолютная свобода, и леопард, если угодно, моя утопия*» [8]) знаменует возвращение заметного объема категории СВОБОДА в суперкатегорию ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ и выдвижение нового «горизонта ожидания». Категория снова получает градуальность.

Особое внимание следует обратить на отсутствие нулевой ступени в иерархии понятий – понятия базового уровня: ведь *свобода* принадлежит и политической, и нравственной сфере, а собственного обозначения свободы как нравственной ценности не существует. Вообще, это считается специфической чертой категории ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ в русской языковой картине мира. Объясняется это тем, что данная область знаний и опыта формировалась христианским учением, связывавшим наставления с конкретными ситуациями, т.е. познание осуществлялось с помощью предикативных единиц и не нуждалось в более дробной системе понятий, чем перечень добродетелей и грехов.

Для того чтобы определить состояние категории СВОБОДА в XXI в., нами был проведен ассоциативный эксперимент. Респондентам было предложено назвать первые пять ассоциаций со словосочетанием *полная свобода / абсолютная свобода*. Всего было опрошено 106 человек в возрасте от 12 до 58 лет. Анализ ответов показал, что не существует четкой границы между *полной* и *абсолютной свободой*, соответственно, в данном случае мы не можем говорить о градуальности категории.

Существенным является вывод о том, что категория СВОБОДА смещается в суперкатегорию ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ. Частотны реакции с семантикой ‘наслаждение’: *удовольствие, беззаботность, nirvana, наслаждение жизнью* и др.; со значением ‘отдых’: *отпуск, путешествие, каникулы, сон* и др., а также ‘места отдыха’: *море, океан, дача* и др. Это говорит о том, что в современном мире гедонизм замещает многие моральные ценности. Если раньше стремились жить не для радости, а для совести, то теперь больше живут для наслаждения.

Появляется и понимание того, что необходимо человеку для достижения *свободы*. Многочисленна группа слов со значением ‘финансовое благополучие’, реже ‘отсутствие страха’, ‘наличие достаточного количества времени’, ‘наличие знаний’, ‘здоровье’ и др. Не менее важным для современного человека оказываются также ‘открытое/неограниченное пространство’ и ‘скорость’. Еще одной составляющей категории *свобода* является ее непрерывность. Чем больше возможностей для получения *свободы*, тем сильнее возникает желание стать еще свободнее. Пространство Земли уже осознается как освоенное, происходит расширение понятия, начинают появляться реакции *космос, невесомость*. Стоит отметить, что это влияние американской лингвокультуры.

Возникает новый «горизонт ожидания»: *птица и ветер* из фразеологизмов «свободен как птица в небе» и «свободен как ветер в поле», где они символизируют крайнюю степень свободы – от социальных обязательств, бытовых и материальных проблем и проч. *Небо* и *поле* усиливают значение бесконечности, необъятности. Можно говорить также о влиянии художественной литературы на понятие *свобода*. В монологе Катерины из пьесы Н. А. Островского «Гроза» *птица* является олицетворением свободы. Здесь ярко проявился

символический код. В связи с этим можно упомянуть еще такую ассоциативную реакцию, как *светлые одежды*. Она отсылает нас к герою И. Ильфа и Е. Петрова Остапу Бендеру, который мечтал уехать в Рио и разгуливать по пляжу в белых одеждах. Можно предположить, что это проявление движения в сторону синкретического мышления (благодаря фэнтези, компьютерным играм возможные миры становятся важнее реальности).

Категория СВОБОДА, входящая в суперкатегорию ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ, представлена большей частью понятиями, закрепленными в конституции. Ее отличительной чертой является ярко выраженная контрастность: *равенство/неравенство, право/бесправие слабых, власть / отсутствие власти* и др. Само употребление антонима *рабство* говорит нам о наличии противопоставления внутри категории.

Контрастность присуща и категории СВОБОДА, входящей в суперкатегорию НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ. Наиболее ярко противопоставление обнаруживается при обращении к понятию *семья*. Для одних респондентов *свобода* ассоциируется с *семьей, любовью, домом, друзьями* и т.д., для других же это *безбрачие, бездетность, развод* и т.д. Широко распространена реакция *одиночество*. Таким образом, свободным считается человек, разорвавший связи не только с обществом, но и с самыми близкими людьми. Возникает ориентация на внутреннюю сферу человека: *личность, воля, дух, доброта* и др. Много реакций с приставкой *само-*: *самоутверждение, самовыражение, самостоятельность, самодостаточность* и др. Важной нравственной ценностью становится самовыражение через творчество, возможность выразить свои чувства и эмоции, свое мнение.

Продолжает развиваться идея о необходимости ограничения свободы. Поэтому *полная/абсолютная свобода* понимается как *безответственность, вседозволенность* и др. Эта идея реализуется и в категории СВОБОДА, входящей в суперкатегорию ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ: *анархия, хаос*.

В результате анализа данных, полученных в ходе эксперимента, было выявлено несколько реакций, которые одновременно отсылают нас и к политическим, и к психофизиологическим, и к нравственным ценностям. Например, *жизнь и смерть, человек, цель* и некоторые другие. Они являются фундаментальными категориями. Особо также выделим слово *независимость*, являющееся синонимом к слову *свобода*. Мы не можем отнести их к той или иной области без учета контекста. Это возможно только в случаях, где респондент конкретизировал значение: *наслаждение жизнью, независимость от родителей* и т.д. Слова с семантикой 'невозможность', 'нереальность' отнесены к интерпретационному шлейфу.

Можно констатировать, что лексическая система не представляет собой жесткий идеографический словарь с четкими границами между категориями и суперкатегориями, межкатегориальные границы подвижны. Когда категория начинает приобретать более сложную структуру, появляются разнообразные взаимоотношения между ее представителями (градуальность, противопоставление и др.), ядро становится менее отчетливым, границы – более размытыми. Категория СВОБОДА в сознании носителей русского языка во все «переломные эпохи» имеет сложную структуру и характеризуется возникновением новых «горизонтов ожидания», что позволяет ей постоянно изменяться.

Список источников

1. Дуринова Г. В. Слово как объект исторической семантики: гражданин и общество в русском языке второй половины XVIII – первой трети XIX в.: дисс. ... к. филол. н. М., 2015. 246 с.
2. Караулов Ю. Н. Основы лингвокультурного тезауруса русского языка // Русское слово в русском мире: сб. ст. / ред. Ю. Н. Караулов, О. В. Евтушенко. М. – Калуга: МГЛУ; Эйдос, 2004. С. 244-296.
3. Козелек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи: в 2-х т. / пер с нем.; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; под ред. Ю. Арнаутова. М.: Новое лит. обозрение, 2014. Т. 1. С. 23-44.
4. Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 325 с.
5. Копосов Н. Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 245 с.
6. Кром М. М. «Дело государево и земское»: понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // Словия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) / отв. ред. В. Л. Янин и др. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 581-585.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 792 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.10.2017).
9. Rosch E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. № 4. P. 328-350.

FREEDOM AS A MORAL VALUE IN THE RUSSIAN LINGUISTIC WORLDVIEW: DIACHRONIC CHANGES OF THE INTERCATEGORICAL BOUNDARIES

Siprova Ekaterina Alekseevna
Moscow State Linguistic University
sea0@yahoo.com

In the article, it is revealed how the conception of the history of notions (Begriffsgeschichte) can be used in linguistics. The author makes an attempt to describe diachronically the changes in the boundaries of the category FREEDOM using the following notions developed by this direction: "experience space", "horizon of expectation" and "critical time". It is concluded that the conception of the founder of this direction R. Koselleck can be applied not only to historical, but also to axiological notions.

Key words and phrases: history of notions; experience space; horizon of expectation; critical time; diachronic aspect; intercategory boundaries; categorization.